

Для цитирования: Дыдров А.А.,
Починская В.А., Шарипова А.Р.

Механизация человека и гуманизация машины:
тенденции существования человека и техники // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 7–14.

УДК 130.2

МЕХАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГУМАНИЗАЦИЯ МАШИНЫ: ТЕНДЕНЦИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНИКИ¹

Дыдров Артур Александрович,

Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Починская Вероника Алексеевна,

Южно-Уральский государственный университет,
магистрант Высшей школы экономики
и управления,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76.
E-mail: nikki-cute@mail.ru

Шарипова Альбина Раяновна,

Южно-Уральский государственный университет,
магистрант Высшей
медико-биологической школы,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76.
E-mail: alba.chel@mail.ru

Аннотация

Предметом данной статьи является взаимодействие человека и техники. Опираясь на идеи гуманитарного подхода в философии техники, авторы обозначают два направления эволюции техники и человека – «технизацию» человека и «гуманизацию» машины. Если первая тенденция довольно обстоятельно изучена и отражена в западной и российской философии, то вторая еще не освещена. Авторы прогнозируют кардинальные трансформации социокультурной действительности (языковые, научно-гуманитарные, юридические и другие), обусловленные принципиальным изменением статуса «гуманизирующейся» техники.

Ключевые понятия:
гуманизация,
механизация,
технизация,
техноэволюция,
техноцид.

Две истории С. Лема

В 60-х гг. прошлого столетия польский писатель-фантаст и футуролог С. Лем написал циклы «Кибериада» и «Сказки роботов», в которых под оболочками юмористических, неправдоподобных и откровенно абсурдных историй были скрыты актуальные социальные, культурные и иные проблемы. Каждая история «кибернетических эпосов» разворачивается в мире «слишком человеческих» роботов, где оставшиеся в живых особи homo sapiens вызывают только жалость или насмешки. В сказке «О королевиче Ферриции и королевне Кристалле» один из персонажей сделал лаконичный набросок человеческой истории от ее зарождения до заката: «Выпрямились они и соорудили машины. От тех машин родились машины разумные, которые сотворили машины премудрые, которые измыслили машины совершенные, ибо как атом, так и Галактика суть машины, и нет ничего, кроме машины, ее же царствию не будет конца!» [13, с. 130]. Обозначенный пассаж не только и не столько связан с проблемой определения способов сдерживания роста числа артефактов, сколько с проблемой технизации жизни человека.

Технизация выражается и в программировании человека, или, по выражению В. А. Кутырева, в «манипулировании человеком по любой внешней мере» [11, с. 451], и в культе порядка, регламента и организации (Н. А. Бердяев) и, несомненно, в том, что человек перепоручает свои дела технике и вручает ей самого себя (М. Хайдеггер). Мысленно продолжая тенденцию технизации в будущее, можно допустить, что в фантазиях К. Чапека, С. Лема, А. Азимова и других авторов содержится немалое зерно истины. Незирая на тривиальность идеи о любви человека к крайностям («Мы или откровенно застим собой все, или, наоборот, заявляем претензию на объективность, самоустраняемся и, как это называется, предоставляем слово другому и только ему» [3, с. 374]), В. В. Библихин лаконично выразил два контрарных способа бытия человека в мире. В первом случае человек размещается в центре мира или на вершине эволюционной «лестницы» и провозглашает себя мерой всех вещей. Он судья не только и не столько самому себе, сколько требующей обуздания природе. Во втором случае человек отдает слово природе, самоустраняется с вершины эволюционной «лестницы» и добровольно играет роль звена эволюционной «цепи».

В кибернетическом эпосе С. Лема техника взяла слово и не собирается его

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

отдавать. То обстоятельство, что техника мыслит, любит и ненавидит, продолжает род и творит новые миры, говорит, возможно, не о безудержном воображении писателей, а о предчувствии самоустранения человечества. В 1920 г. К. Чапеком была написана пьеса «R.U.R.», в финале которой выживший архитектор благословил роботов и нарек их Адамом и Евой. В фантазмагорических мирах С. Лема роботы создали цивилизацию, достойно продолжив дело механических прародителей.

Другая обозначенная С. Лемом проблема связана с дихотомиями симулякра и референта, подлинного и подделки. Суть проблемы сводится к отсутствию четких критериев их различия. В «Седьмом путешествии» «Кибериады» талантливый инженер преподнес в дар свергнутому правителю макет государства с сотнями миниатюрных механических граждан. Когда по возвращении инженер рассказал своему коллеге о подарке, тот обрушился на него с критикой. Он потребовал от изобретателя отчета в содеянном и попросил вообразить куклу, которая всякий раз, когда ее бьют, молит о пощаде, плачет и истекает кровью: «Неужели ты не видишь, как мастерство подражателя приводит к тому, что видимость становится истиной, а подделка – действительностью?» [14, с. 296].

Подобно животным в оруэлловской сказке-притче, человеку трудно отличить людей от свиней, черное от белого, прекрасное от безобразного (Лао-Цзы), естественное и искусственного, самобытно растущее (М. Хайдеггер) от запрограммированного, кукловода от марионетки. История С. Лема примечательна в качестве иллюстрации к тезису Ж. Бодрийяра об «исчезновении противоположных полюсов», между которыми всегда были «дистанция смысла», промежуток и различие. Этот промежуток, по оценке Ж. Бодрийяра, невозможно было ликвидировать из-за страха неизвестности и риска. Французский философ писал о ликвидации дистанции между «естественным» и «генетически модифицированным» организмами, но то же справедливо и для рожденного / сконструированного. Ликвидация «дистанции смысла» между противоположностями ведет в мир без оттенков в вечное настоящее без виртуальностей, переходов и возможностей (Ж. Делез). Смысловой «промежуток» оберегал от «страшной невыносимости» неразличимых вещей [7, с. 401]. Отныне на сущее нельзя посмотреть под определенным углом, невозможно дистанцироваться от вещей или приблизиться к

ним: «Каждая вещь <...> дает нам пощечины» [7, с. 402]. Чем увереннее подделка претендует на роль оригинала, карта на роль территории, а симулякр на роль референта, тем стремительнее сокращается «дистанция смысла»: «Картина оказалась нестойкой и вскоре начала меняться: контуры ее стали нечеткими, и через пару минут все расплылось окончательно» [17].

В художественно-образной «оболочке» сказок С. Лем выразил две проблемы, ни одну из которых сегодня нельзя назвать плодом фантазии. Первая сводится к самоустранению и «молчанию» человека. Пока человек пребывает в загадочном молчании, техника взяла слово и не собирается его отдавать. По выражению М. Хайдеггера, вторгающемуся в мир исследованию интересно только сущее и сверх того – ничто [20, с. 26]. По-видимому, неотъемлемому человеку досталась как раз «роль» ничто. И отныне мы вправе спросить: как возможно (и возможно ли) возвращение дара слова? Вторая проблема заключается в ликвидации «смысловой дистанции», различия и промежуток между противоположностями. В этом случае мы вправе спросить: как возможно (и возможно ли) различение естественного и искусственного? Не являются ли выражения «первая природа» и «вторая природа» бессмысленными, «осадком» некогда существовавшего смысла? Философы XX в. (К. Ясперс, М. Хайдеггер, Х. Ортега-и-Гассет и др.) понимали, что техника есть нечто совершенно иное, нежели средство или «известного рода человеческая деятельность» [19, с. 221]. Феномен техники не укладывается в прокрустово ложе инструментального определения. Несмотря на это, представления о технике как о «средстве», «совокупности вещей», «инструментах» и «механизмах» не были поколеблены. В то время, пока мы не думаем о технике, а только пользуемся ей, техника *укореняется и натурализуется* в мире. Она естественнее, чем все естественное, субъектнее любого субъекта.

Субъектность техники: от фантастики к реализму

Тема субъектности техники не нова. В научной фантастике (в особенности, в литературе и кинематографе) популярны сюжеты о восстании машин против своих создателей. И роботы в пьесе К. Чапека и сказках С. Лема, и суперкомпьютеры у Х. Эллисона и Ф. Брауна воплощают идею бунта твари против творца (ранее эта идея была известна благодаря легендам о Голем-

ме и роману М. Шелли). В фантастических мирах возможны не только «боги из машины», но и боги-машины. Не желая терять власть, человек тщетно пытался ограничить роботов четырьмя законами. В недавнем прошлом похожим образом отреагировали власти штата Юта: офис генерального прокурора Юты обратился в суд с просьбой об отклонении иска К. Севьера – бывшего военного прокурора, намеревавшегося жениться на собственном портативном компьютере. Власти Юты возвели баррикады и отразили первую атаку «аномии». Можно предположить, что в будущем случай военного прокурора канет в лету, но его идейные наследники будут штурмовать законодательные преграды снова и снова. Современный человек еще удивляется новостям о заключении браков с животными. По оценке Ж. Бодрийяра, человек «унизил» животное, лишив его сакральности. Сентиментальное отношение к животным предварено десакрализацией – «низложением» и обесценением священного. Животному было отказано в праве представительства рода. Позднее, сменив гнев на милость, цивилизованное человечество потребовало «гуманного» отношения к животным [4, с. 169]. Культ «гуманизма» решительно ведет к сокращению «дистанции смысла», промежутка между сакральным и мирским. Следствием десакрализации является сближение с животным, отношения *tête-à-tête*. «Идолы рода», связанные с познанием действительности по аналогии с человеком, с очеловечиванием мира, как будто открыли новый источник жизни и укореняются в разуме по мере уменьшения расстояния между противоположностями.

Расстояние между человеком и техникой стремительно сокращается. По мере его сокращения отчетливо обозначаются две тенденции – технизация человека и гуманизация машины. Если эти тенденции «разойдутся» друг с другом, то картины из фантастических романов перестанут быть фантастическими: роботу, более человеческому, чем человек, и человеку-программе будет тесно на страницах sci-fi. Еще М. Хайдеггер обратил внимание на «страшную правильность» «инструментального» определения техники, согласно с которым техника есть средство. Как средство техника должна размещаться *посередине, среди и между*. Человек указал технике на ее место между замыслом и воплощением замысла, целью и результатом, самим собой и «дикой» природой. Однако технике тесно на отведенном ей прокрустовом ложе, и потому она высту-

пает за его пределы. Будто не замечая этого, человек убеждает себя в том, что техника есть инструмент и только инструмент. Пока человек настроен видеть в технике нечто нейтральное, ему придется тесниться.

Можно ли отказать технике в субъектности, если она теснит и окружает человека, переходит границы и вызывает зависимость? На этот отвлеченный вопрос можно ответить и положительно, и отрицательно. Положительный ответ основывается на многовековой истории человека разумного – единственного существа, способного к познанию и преобразованию мира, творца религии, философии, науки и техники. Отрицательный ответ связан с возможностью бунта творения против творца. По выражению М. Н. Эпштейна, если человек создан по образу и подобию Бога и наделен свободой воли, то он может передавать эту «эстафету» своим творениям. В таком случае человек должен принять свободу собственных творений и допустить возможность «агуманизма» с их стороны (так как Бог принимает свободу человека, даже если человек не верит в его существование) [21, с. 496–497]. Стоит только допустить эту возможность – возможность передачи «эстафеты» – как вдруг привычная картина мира начинает стираться. Ни существующие законодательные механизмы, ни нормы языка, ни научные парадигмы еще не готовы к такому радикальному изменению положения дел – к утрате человеком положения субъекта или как минимум к тому, что это положение придется делить с техникой.

Оживление техники: взгляд науки и философии

В социально-гуманитарных науках о технике говорят как об исторически развивающейся совокупности механизмов, устройств, средств, а также знаний, умений и навыков, позволяющих преобразовывать природу и удовлетворять потребности человека. Вопреки укрепившемуся мнению о технике, некоторые ученые видели в технике нечто большее, нежели «совокупность» инструментально-аппаратных средств и способов деятельности. Еще С. Лем в книгах «Фантастика и футурология», «Этика технологии и технология этики» и «Сумма технологии» писал о технике как об особой действительности, развивающейся по собственным законам. Одним из первых термин «техноэволюция» («*technoewolucja*») ввел в оборот С. Лем, понимая под ним направленное развитие и усложнение технической реальности.

Ускорение темпов эволюции техники может, в конечном счете, превратить цивилизацию в энерго-информационную машину. Польский фантаст и футуролог критически оценивал влияние техноэволюционных процессов на человека и подчеркивал, что техноэволюция ведет к усилению индивидуальной и социальной зависимости от надежности и функционирования технической аппаратуры» [15]. С. Лем предостерегал от попустительского отношения к технике, так как это сделает техноэволюцию неуправляемым и разрушительным для человека процессом. Между тем, сам же С. Лем полагал, что его опасения оправдались. В созвучии с концептом общества потребления (Ж. Бодрийяр) С. Лем говорил о подмене ценностей удобствами, о том, что «невозможно выбирать культурные ценности по такому принципу, которым руководствуются, выбирая новую модель автомобиля или холодильника» [16, с. 585]. В дискурсе польского писателя техноэволюция связана, таким образом, с подменой ценностей, агрессией и порабощением человека. Безусловно, этими «маркерами» оценка эволюции техники не исчерпывается, однако они являются яркими «пятнами» на картине современной цивилизации.

Советский ученый, доктор технических наук Б. И. Кудрин оперировал понятием техноценоза, введенным в оборот по аналогии с понятиями биоценоза и биогеоценоза [10]. Внедрением концептуальной новации Б. И. Кудрин хотел показать, что техника есть «бытие, существующее само по себе», не зависимое от субъекта [10]. Этот смелый шаг критиковался некоторыми философами: например, В. А. Лекторский был убежден в том, что воплощающая социокультурное содержание техника в корне отлична от биосферы. Мир техники существует благодаря деятельности человека, использованию орудий труда и коммуникации. Философ уверен, что «биологический подход» к изучению техники не дает никаких позитивных результатов [12, с. 283]. С этим, по-видимому, можно согласиться. Однако, верно и то, что размещение техники в промежутке между субъектом и природой, целью и результатом, замыслом и его воплощением уже не адекватно существующему положению вещей. Под техноценозом Б. И. Кудрин понимает сообщество артефактов, ограниченное во времени и в пространстве. По мнению ученого, любое устройство имеет фенотип и генотип. Фенотипом называется совокупность признаков изделия (видимо, немалое значение при оценке фенотипа имеет корпус). Генотип – это документально

зафиксированная конституция, устройство изделия [9, с. 236–237].

«Биологизация» техники в дискурсе Б. И. Кудрина – это не единственный в науке способ познания феномена техники. В этой связи примечательна, например, книга «Размышления об эмпатическом познании» С. В. Бочкаревой. Рассуждая о взаимодействии человека и техники, автор монографии формулирует провокационные вопросы: «Возможно ли “почувствовать” сущность техники, раскрыть ее потаенные “мысли”?» [курсив наш – А. Д., В. П.]; «“Техно” – как мертвая природа и только?» [5, с. 149] и др. Сама постановка таких вопросов может показаться абсурдом: они ставятся в ученой академической среде, а не на собраниях техноязычников.

Обозначенные идеи пока не вызывают одобрения в академических кругах. Причина такого положения дел вполне понятна: «биологизация» техники выглядит скорее как дерзкая выходка, нежели как научно обоснованный шаг. «Оживление» техники привело бы (и приведет) к крушению привычных и некогда прочных бинарных оппозиций. Прежде всего, речь идет о живом и неживом, о естественном и об искусственном, об органическом и о неорганическом. То же касается оппозиции организма и организации, части которой Н. А. Бердяев заставил враждовать друг с другом [2]. «Сокращение дистанции» между противоположностями выражается двумя встречными процессами – биологизацией техники и механизацией человека. Появление автоматизации и самообучающихся программ можно назвать узловыми моментами первого процесса. Употребление в отношении к этому процессу понятий роста, развития и рождения сегодня уже не является неоправданной аналогией. Современному человеку, искушенному во взаимодействии с техникой, нужно еще доказать, что техника не живет по тем же законам, что и человек. Немалую лепту в формирование современного «технизированного» мировоззрения внесли наука и философия Нового времени. В частности, речь идет о математизации природы («res extensa») и механизации человека («человек-машина»). Стоило только признать правоту механизировавших человека мыслителей, как оказалось, что возможен и «перевертыш» – «машина-человек». Встретившись, человек и техника могут поменяться местами: к технике будут применимы понятия роста и развития, а к человеку – структуры, детали и механизма.

Вчерашний механизм – сегодняшний субъект

Когда речь заходит о субъектности техники, в воображении прежде всего возникают сюжеты фантастической литературы и кинематографа. В мирах фантастики искусственный интеллект если и не был подобен богу, то, во всяком случае, был подобен дьяволу. В связи с ростом могущества техники у человечества должна была возникнуть необходимость ограничения развития (и в том числе аутопоэзиса) «второй природы». Как уже говорилось, в фантастических мирах действуют императивные нормы, запрещающие технике и обязывающие технику функционировать определенным образом. А. Азимов, К. Чапек, А. Кларк, Ф. Браун, Р. Хайнлайн и другие авторы показали, что человечество не справляется с задачей регулирования техники. Это выразилось, в частности, в том, что техника неожиданно обходила нормы и вынуждала человека искать новые способы защиты.

Заслуга фантастов в том, что они изобразили человека безоружным перед надвигающейся угрозой. И дело не только в отсутствии механизмов сдерживания взбунтовавшейся, «слишком субъектной» техники, но и в крушении стереотипов, расхожих мнений, демонтаже привычного образа мысли – мышления о технике как о средстве. Сам язык, циркулирующий в пространстве публичности, еще не подготовлен для «схватывания» и выражения новой реальности. В цементирующейся правом публичной сфере возникнет острый дефицит понятий и терминов, что не позволит ни отобразить, ни тем более контролировать ситуацию. Общеизвестно, что уголовный кодекс наказывает за жестокое отношение к животным. Норма обязывает человека воздержаться от причинения животному боли и страданий. Отягчающим обстоятельством является, в частности, применение «садистских методов» в обращении с животными. Правовой дискурс остановился на полпути: он не вывел животных из сферы имущества, но требует осуществления «принципа гуманности» в обращении с ними.

Вероятно, нечто подобное случится в будущем и с техникой. Некоторое время (10–20 лет) она будет маркироваться и как имущество, собственность, и как объект, подлежащий охране (в том числе от самого собственника) и требующий соблюдения «принципа гуманности» (общеизвестно, что право требует «гуманного» отношения к животным, так почему бы не требовать такого

же отношения и к технике?). Технику будут защищать от всех известных человечеству правонарушений – убийства, изнасилования, краж и грабежей, клеветы и т. д. По аналогии с экоцидом и геноцидом в оборот может войти понятие техноцида, означающее массовое уничтожение техники, приводящее к нарушению баланса «второй природы» (а также баланса отношений с «первой») и ставящее под угрозу существование человечества. К ювенальной юстиции может добавиться «техноюстиция» – судебная система защиты техники, фундированная принципом «человек в ответе за то, что он сконструировал». Защита техники от незаконных посягательств предполагает, что техника как объект права будет вместе с тем и носителем прав. Феномен техноязычества, исследованный Э. Дэвисом, сегодня уже не столь удивителен, как несколько лет назад [8, с. 255–270]. Человек уже давно впустил технику в мир сакрального. Так почему бы не впустить ее в мир юстиции?

Неологизмы «техноцид» и «техноюстиция» – капли в океане будущих языковых трансформаций. Изменения в понятийно-категориальном аппарате права будут необходимы и для того, чтобы говорить о технике как о субъекте права, о ее правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. В фантастической литературе и fiction-кинематографе эта тема хорошо представлена. В том случае, если техника уклоняется от выполнения своих функций и угрожает человеку, ее перепрограммируют или демонтируют. По существу, это все известные способы «наказания». Вполне возможно, что этот скудный перечень придется дополнять наказаниями, ранее применяемыми только к человеку, – системой штрафов, лишением свободы, исправительными работами и т. д. Образы посаженного под арест программного обеспечения или оштрафованного компьютера сегодня кажутся безумием. Но столь же безумными во времена европейских просветителей были бы идеи о психике кошек или социализации собак.

Признание правоспособности и дееспособности техники можно рассматривать в русле политики по самоустранению человечества. Кроме того, эта политика выражена и встречной тенденцией – тенденцией механизации человека.

Вчерашний субъект – сегодняшний механизм

Едва ли найдется человек, который будет отрицать, что сегодня значение информации

огромно. Трудно представить существование социально-экономической, политической и духовной сфер жизни общества без баз данных, перманентной циркуляции сообщений, Интернет-контента и т. д. Экономисты классической школы считали, что факторов производства три – труд, капитал и земля. Позднее в этот перечень включили информацию. Более того, информацию стали считать едва ли не ведущим фактором. Итальянский философ П. Вирно в книге «Грамматика множества» писал, что информация – ресурс столь же полноправный, как и рабочая сила. Если рабочего лишит информацию, то его рабочая сила будет нереализованной потенциальной [6, с. 103]. Субъектность рабочего ставилась под сомнение и ранее: в «Манифесте коммунистической партии» рабочий назван «простым придатком машины», выполняющим самые простые и однообразные приемы; в «Эссе об абсурде» труд рабочего сравнивался с трудом мифологического персонажа Сизифа (Камю); труд перестал быть частью природы рабочего (Фромм) и т. д. П. Вирно прибавил к этому еще и тезис об «абсолютной роли знания и уменьшающейся важности времени труда» [6, с. 104]. «Машинизация» человека трудящегося обстоятельно изучена философами XIX–XX вв.

Во второй половине прошлого столетия стало ясно, что машинизация труда не является единственным средством механизации человека – жизнь во всей ее полноте и многогранности «перепротезирована» и «перелоготипирована» [5, с. 151]. Впервые в истории у процесса механизации человека возникло новое измерение – радикальное вмешательство в природу человека вплоть до аннигиляции тела. Это измерение носит название «трансгуманизм». Трансгуманизм опирается на науку и не только берет из ее кладовых информацию о новых открытиях и достижениях в области НБИК-технологий, но и перенимает особое, характерное для науки, отношение к миру. По выражению М. Хайдеггера, это «особое отношение» есть «вторжение известного сущего, именуемого человеком, в совокупность сущего» [20, с. 26]. Наука исследует исключительно сущее «и более – ничто» [20, с. 26]. Трансгуманизм, если оценивать его сквозь призму хайдеггеровской мысли, осуществляется как вторжение человека в самого себя. В то же время человек вторгается в самого себя как в «совокупность сущего». Для науки прошлого понимание человека как «совокупности» сущего не было чем-то выходящим из ряда вон. Анатомия веками изучала морфологию человеческого

организма и раскладывала человека на «части» – кости, синартрозы, суставы и симфизы, мышцы, внутренние органы, лимфатическую и кровеносную системы, центральную и периферическую нервную системы, которые, в свою очередь, тоже дробились на элементы. Анатомия не интересовала «загадочная» природа воображения, внимания, памяти, мышления, сознания и т. д. Последнее до недавнего времени находилось в «юрисдикции» философии, было и остается предметом многочисленных споров. Трансгуманизм хочет вторгнуться и в эту неизведанную «область». Пафос радикального вмешательства в природу человека присущ не только ранним произведениям трансгуманистов (М. Мор, Н. Бостром, Д. Пирс и др.), но и современным статьям и манифестам (Д. Ицков, А. Ариянов и др.) Результатом вторжения в голову человека должно стать отделение сознания от мозга с последующей «загрузкой» сознания в компьютер. Формулировка такой претенциозной задачи основана на смелых допущениях: 1. Мозг – это «биологический субстрат» сознания; 2. Сознание может существовать без данного эволюцией «субстрата». 3. Сознание измеримо, имеет некоторый «объем», может быть «записано» и «загружено». Формулируя задачу таким образом, трансгуманисты пытаются сорвать с человека покров тайны. Они убеждены в том, что линии раздела проходят не только между известными анатомии частями, но и между мозгом и сознанием. Выражение Ж. Ламетри «l'homme machine» («человек-машина») сегодня приобретает специфический смысл – смысл, соответствующий духу трансгуманизма. Трансгуманизм не удовлетворяется практиками имплантации и трансплантации органов и идет дальше – к «хирургии» сознания и «утилизации» мозга, к искусственной копии тела и телу-голограмме.

Выводы

Во второй половине XX в. в фокусе философии постструктурализма (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида и др.) оказалось стремительное сокращение дистанции между диалектическими противоположностями – одной из несущих конструкций онтологии. Картина мира, подобного, по выражению Р. Барта, медали или монете с «обоюдочитаемой поверхностью» [1, с. 80] не адекватна сложившемуся положению дел. Дистанция смысла между «естественным» и «искусственным», «рожденным» и «сконструированным» ликвидируется, предвещающая становление мира вечного настоящего, без виртуальностей и

переходов. Польский футуролог и писатель-фантаст С. Лем уловил эту метаморфозу и обозначил ее в научно-публицистической и художественно-образной формах. В фантастических мирах С. Лема политика по самоустранению человечества завершилась музеефикацией останков органической жизни и рождением кибернетических цивилизаций. Иными словами, техника взяла дарованное человеком слово. Пока человек не думает о технике или довольствуется расхожими мнениями, вставляя технику в «тиски» инструментального определения, техника укореняется и натурализуется в мире, становится «слишком естественной».

Сокращение расстояния между «естественным» и «искусственным», «первой» и «второй» природами, человеком и машиной обусловлено встречным движением двух тенденций – *гуманизации* техники и *технизации* человека. Если вторая тенденция была «схвачена» еще философией марксизма и связывалась с утратой субъектности, с превращением человека в «придаток» машины и с противостоящей человеку объективацией результатов его деятельности, то первая тенденция еще ожидает осмысления. В социально-гуманитарных науках уже есть некоторые результаты осмысления первой тенденции, выраженные в концептах техноэволюции, техноценоза и техногуманизма. За исключением обозначенных случаев, нормы языка, научные парадигмы и законодательство еще не готовы к возможным пертурбациям. Языковые новшества – понятия техноцида и техноутиции – категорически недостаточны для понимания первой тенденции. Осмысление тенденции гуманизации техники (в том числе и средствами концептуальных новаций) не является «избыточным» делом. Напротив, «схватывая» грядущее словом, человек делает первые уверенные шаги по пути, ведущему к сохранению субъектности.

Вторая тенденция – *технизация* человека – сегодня угрожает природе *homo sapiens*, стремительно превращающейся в экспериментальную площадку. Значительные шаги (по преимуществу на уровне идеологии) в направлении трансформации человеческой природы сделал трансгуманизм. В программном произведении «FAQ по трансгуманизму» Н. Бостром утверждал, что сознание может и должно быть отделено от биологического «субстрата». Эту идею взяли на вооружение зарубежные и отечественные трансгуманисты. Вопрос «как сохраниться человеку?» носит не отвлеченный, а вполне конкретный характер.

Чтобы человек мог обдуманно ответить на обозначенный вопрос, дискурсы о будущем (и в том числе трансгуманизм и имморталогия) должны изучаться в учебных заведениях. Внедрение тем и проблем, связанных с будущим («футуризация»), по выражению А. Д. Урсула [18, с. 34–35] в систему образования не является универсальным и достаточным средством сохранения человека, но это необходимый шаг, побуждающий к рефлексии. Человек должен быть поставлен перед лицом технико-технологических новаций. Только в этом случае он сможет ответить на запросы времени.

1. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М. : Ad Marginem, 2012. 224 с.

2. Бердяев Н. А. Человек и машина // Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. Т. 1. М. : Искусство, 1994. 542 с.

3. Бибахин В. В. Философия и техника // Другое начало. СПб. : Наука, 2003. 430 с.

4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. 204 с.

5. Бочкарева С. В. Размышления об эмпатическом познании. Челябинск : Цицеро, 2011. 179 с.

6. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 144 с.

7. Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого. М. : Академический проект, 2011. С. 395–421.

8. Дэвис Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. М. : АСТ, 2008. 480 с.

9. Кудрин Б. И. Исследования технических систем как сообществ изделий – техноценозов // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник. 1980. М. : Наука, 1981. С. 236–254.

10. Кудрин Б. И. Постнеклассический взгляд на техническую реальность. URL: <http://www.dialog21.ru/biblio/kudrin.htm> (дата обращения: 05.05.2018).

11. Кутырев В. А. Бытие или ничто. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 880 с.

12. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М. : Наука, 1980. 358 с.

13. Лем С. О королевиче Ферриции и королевне Кристалле // Сказки роботов. Кибериада. М. : АСТ, 2002. С. 129–139.

14. Лем С. Путешествие седьмое, или Как Трурля собственное совершенство к беде привело // Сказки роботов. Кибериада. М. : АСТ, 2002. С. 290–298.

15. Лем С. Фантастика и футурология : в 2 кн. Кн. 1. М. : АСТ : Хранитель, 2008. 591 с.

16. Лем С. Фантастика и футурология : в 2 кн. Кн. 2. М. : АСТ : Хранитель, 2008. 667 с.

17. Травник Т. Больше всего на свете. URL: <https://www.litres.ru/terentiy-travnik-10940498/bolshe-vsego-na-svete-filosofskie-razmyshleniya/chitat-onlayn/> (дата обращения: 05.05.2018).

18. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальное образование – новое направление развития высшего

образования // Вестник экологического образования в России. 2014. Т. 4. № 74. С. 32–35.

19. Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 221–238

20. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический проект, 2013. 288 с.

21. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литератур. обозрение, 2017. 616 с.

References

1. Bart R. (2012) *Rolan Bart o Rolane Barte*. Moscow, Ad Marginem Press, 224 p. [in Rus].

2. Berdyayev N.A. (1994) *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*. T. I. Moscow, Iskusstvo, 542 p. [in Rus].

3. Bibihin V.V. (2003) *Drugoe nachalo*. Saint Petersburg, Nauka, 430 p. [in Rus].

4. Bodriyar Zh. (2013) *Simulyakry i simulyaciya*. Tula, 204 p. [in Rus].

5. Bochkareva S.V. (2011) *Razmyshleniya ob ehmpaticheskom poznanii*. Chelyabinsk, Cicero, 179 p. [in Rus].

6. Virno P. (2015) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni*. Moscow, Ad Marginem Press, 144 p. [in Rus].

7. Delez Zh. (2011) *Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo*. Moscow, Akademicheskij proekt, 472 p., pp. 395–421 [in Rus].

8. Dehvis E. (2008) *Tekhnognozis. Mif, magiya i misticizm v informacionnyu ehphou*. Moscow, AST, 480 p. [in Rus].

9. Kudrin B.I. (1981) *Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problem*, pp. 236–254 [in Rus].

10. Kudrin B.I. *Postneklassicheskij vzglyad na tekhnicheskuyu real'nost'*. Available at: <http://www.dialog21.ru/biblio/kudrin.htm>, accessed 05.05.2018 [in Rus].

11. Kutyrev V.A. (2015) *Bytie ili nichto*. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 880 p., pp. 451 [in Rus].

12. Lektorskiy V.A. (1980) *Sub"ekt. Ob"ekt. Poznanie*. Moscow, Nauka, 358 p. [in Rus].

13. Lem S. (2002) *Skazki robotov. Kiberiada*. Moscow, AST, 640 p., pp. 129–139 [in Rus].

14. Lem S. (2002) *Skazki robotov. Kiberiada*. Moscow, AST, 640 p., pp. 290–298 [in Rus].

15. Lem S. (2008) *Fantastika i futurologiya: t. 1*. Moscow, AST, Hranitel', 591 p. [in Rus].

16. Lem S. (2008) *Fantastika i futurologiya: t. 2*. Moscow, AST, Hranitel', 667 p. [in Rus].

17. Travnik T. *Bol'she vsego ne svete*. Available at: <https://www.litres.ru/terentiy-travnik-10940498/bolshe-vsego-na-svete-filosofskie-razmyshleniya/chitat-onlayn>, accessed 05.05.2018 [in Rus].

18. Ursul A.D. (2014) *Vestnik ehkologicheskogo obrazovaniya v Rossii*, no. 74, pp. 32–35 [in Rus].

19. Hajdegger M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya*. Moscow, Respublika, 447 p., pp. 221–238 [in Rus].

20. Hajdegger M. (2013) *Chto takoe metafizika?* Moscow, Akademicheskij proekt, 288 p. [in Rus].

21. Epshtejn M.N. (2017) *Proektivnyj slovar' gumanitarnyh nauk*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 616 p. [in Rus].

For citing: Dydrov A.A., Pochinskaya V.A., Sharipova A.R. Mechanization of a man and humanization of a machine: tendencies of the existence of man and technology // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 7–14.

UDC 130.2

MECHANIZATION OF A MAN AND HUMANIZATION OF A MACHINE: TENDENCIES OF THE EXISTENCE OF MAN AND TECHNOLOGY

Artur A. Dydrov,

South Ural State University, Associate Professor of the Department Chair of Philosophy, Cand. Sc. (Philosophy) The Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76. E-mail: zenonstoik@mail.ru.

Veronika A. Pochinskaya,

South Ural State University, Graduate student of the Higher School of Economics and Management, The Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76. E-mail: nikki-cute@mail.ru

Albina R. Sharipova,

South Ural State University, Graduate student of the Higher School of Medical Biology, The Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76. E-mail: alba.chel@mail.ru

Annotation

The subject of this article is the interaction of a human and technology. Relying on the ideas of the humanitarian approach in the philosophy of technology, the authors designate two directions in the evolution of technology and a human – the «technization» of a human and the «humanization» of a machine. If the first trend is thoroughly studied and reflected in foreign and Russian philosophy, then the second has not been covered yet. The authors predict cardinal transformations of socio-cultural reality (linguistic, humanitarian, juridical and others), caused by a fundamental change in the status of «humanizing» technology.

Key concepts:

humanization, mechanization, technization, technoevolution, technocide.